

Ортега-и-Гассет Хосе

Для истории любви

Ортега-и-Гассет Х. Труды. Мадрид. 1953.

Перевод Утюпина А.Л.

I. Смена поколений.

Любовь в упадке. Она выходит из моды. Возможно читатель спросит, существует ли мода в чувствах.? Вопрос банальный. Есть люди, которые настолько следуют этой моде, что всячески стараются показать своё презрение к любви. Что касается меня, то когда я читаю, у автора, что некий стиль живописи или форма идеологии, которая на его взгляд бесполезна, - возможно от непонимания – «не более чем дань моде», я сразу прекращаю чтение. Это неоспоримый признак того, что такой автор недостаточно умен и поверхностен в своём исследовании.

Человеческая жизнь постоянно пребывает в свойственной ей субстанции, во всех проявлениях которой видна созидательная сила моды, или другими словами постоянная «модификация».

Человеческая жизнь? Возможно вся жизнь. В судьбе человека не существует другой способности выражать своё духовное развитие, кроме как придерживаться интеллектуальной, эстетической, моральной или религиозной моды. С идеями и чувствами происходит то же самое, что и с костюмами и манерами: некоторые люди в них верили, другие им просто следовали. Чтобы определить то, что мы обычно называем «модой» совершенно не хватает людей, которые противостоят течению, людей, которые выступая против моды, лишали бы себя привычного им образа жизни. Но это всегда имеет разный смысл: великий, почтенный или внушающий страх. Всё зависит от нашего расположения духа и от нашей цели, оба эти аспекта очевидны. Было бы ошибочно учитывать только один из них. В таком случае наше видение необъективно.

Чтобы охватить сложность всей ситуации целиком, мы должны обладать двумя важными качествами: страх и ирония. Кто бесстрашен – по Платону, - тот не углубится в поиске; кто без иронии, то уподобляется терпящему кораблекрушение. Лучшее же состоит в том, чтобы быть пловцом, который погружается на дно до момента, когда замечает в бездне драгоценный камень, потом всплывает на поверхность, освещая всё вокруг, неся жемчужину в зубах – жест улыбки, преумноженный пеной бесчисленных морских волн.

Чувство любви испытывает всё человеческое, его история и эволюция удивительно похожи на развитие искусства. Они следуют одному стилю. Каждая эпоха обладает своей особенной манерой любить. Каждое последующее поколение неизбежно изменяется, в той или иной степени меняются и эротические ценности.

Часто перемены так малы, что возможность их рассмотрения ускользает и становится невозможно сформулировать их суть. Это одна из причин, которой объясняется столь малое количество опытных фактов, и, вместе с тем,

важнейшая для исследования любви. Я имею ввиду тот факт, что мужчина как правило не стремится влюбиться в женщину своего поколения. Верные парни часто отдают предпочтение обеспеченным женщинам в возрасте. Это свидетельствует о том, что легко приспособиться к эротическому стилю предыдущего поколения. То же самое происходит с идеями.

Сначала юноша живёт чувствами. Он поглощён опытом прошлого. В этой атмосфере он совершенствуется и формируется его духовный облик. Затем начинается второй этап созидательной искренности, осознания подлинности жизни, на котором формируются присущие ему склонности, он начинает овладевать самым собой. Задумывается, пытается избавиться от своих прошлых мыслей, отвергает «обеспеченных дам» и навсегда возвращается к поэтам своего времени, и сам обретает вновь способность сочинять стихи. Бывает и так, что некоторые сорокалетние мужчины влюбляются в девушек двадцати лет, но это исключение, так как общество чувствует нечто ненормальное и в некотором смысле даже чудовищность этого явления. Тем не менее, существует некий потаённый разум, который должен погибнуть естественно и необратимо. Это нуждается в объяснении. Обычно сорокалетний мужчина желает быть с девушкой моложе себя, чувствуя неизбежность преклонного возраста. Он знает любовь юной девушки и не может подавить в себе разгоревшихся внутренних страстей.

Равно как и каждый художественный стиль начинает с предпочтения верных основ, которые как простая материя легко поддаются изменению, и именно это «новое» и будет представлять нам стиль. Только молодая женщина, не обладающая желанием страстно любить, а подвластная лишь чувственным удовольствиям, освобождается от этого стиля, единого для всего времени и пространства.

Существует определённый образ женщины, формирующий каждое поколение. Мы видим в этом образе скрытое удовлетворение. Время от времени он испытывает некоторые неизвестные нам изменения. Бывает так, что в один момент праздничная оргия смешивает юношу и девушку, но в час, когда они переживают единение душ, беспорядочная сущность разъединяет их. Каждый признаёт загадочность своего общества, как муравьи разных муравейников отличаются свойственными им особенностями.

Открытие, которое мы неизбежно вписываем в образ жизни — всего лишь ещё одна из черт меланхолического опыта, рано или поздно получаемого каждым человеком, которого терзают душевные муки.

Возникает единая мода бытия, которая твёрдо закрепляется за каждым человеком. Различия между образами двух поколений проявляются во всём, даже в самых абстрактных вещах, которые незаслуженно погибают в руках времени. Если сегодня мы откроем разные книги по введению в математику, то без особого труда сможем определить, например, какому автору сколько лет. Ясно, что расхождения их стилей очевидны, так же как функции абстрактного и безличного имеют причиной конкретное и личное.

Во всём видно проявление любви, где даже опытный и строгий человек навсегда приспосабливается к новым условиям жизни и новому поколению. И осознавать это – истинное мучение.

Это видно в том, как мужчина ухаживает за любимой девушкой. Причина не в различии возрастов, возможно и зрелый человек сохраняет достаточно юное и бодрое тело, а в том, что мы видим две противоположные эротические эпохи и манеры, несоответствующие друг другу.

Со всем тем, что имеем, мы смогли лишь приблизиться к теме, начатой в этой статье. У вас есть шанс определить новую моду в любви, отличную от предыдущих, внушающую иные взгляды на любовь. Заставляющую совершать путешествия в иной мир, падать, вставать вновь и никогда не отступать.

II. Особенность «куртуазной любви».

Мы чувствуем появление новой любви, меланхолической и печальной как прекрасная гостья, поздно зашедшая на званый обед. Но остаётся верной прежнему образу любви, уже предчувствуя изящество нового стиля, самого свежего и желанного. Жизнь заманчива и прекрасна и любые «десять» отличаются одна от другой, и здесь мы без особого сожаления можем отказаться от «одиннадцатой». Это так, что снаружи смотрит на новую эротическую сцену и, поскольку мы не причастны к жизненной основе, порождаемой ею, то можем лишь интеллектуально проникаться её сущностью. Ум – это акт сравнения. Так любовь мы проявляем и замечаем её особенность: наша любовь в том или ином смысле принадлежит веку XIX. Эра «романтической любви». Но в конце века её страстный огонь начал угасать. Возможно сегодня создаётся иллюзия, что не бывает ни истинных чувств, ни даже настоящей романтической литературы. Достаточно того, что мы сравнили развитие истории с эволюцией женских идеалов, благодаря которым находимся в тесном контакте с предшествующей романтикой. Человечество – это родовая линия любви, представляющая сегодня уже новый род, более содержательный и разумный.

Ещё Гейне нерешительно, но всё же стремился избавиться от внутренней романтики и, был титулован как «король, отрёкшийся от тысячелетней империи романтизма».

Романтическая любовь – одно из самых величайших произведений человечества, но удивительным образом погибает, так как – если я правильно понимаю, - никогда не пыталось проанализировать своё возникновение.

Это свидетельствует о том, что возможно ещё творить великие шедевры и, что нам необходимо ещё более полным образом рассмотреть эту проблему.

Романтическая любовь! Это типичный пример того, что я раньше называл «модами любви». Пребывание в «галантности» XIX века, которой не было в «оценке» XVIII, в «куртуазной» любви XV века, «платоновской» любви XIV века, и «языческой» любви XIII века.

Нет необходимости рассматривать исторические детали под увеличительным стеклом, чтобы перед нами предстала вся красота и разнообразие эротической фауны.

Задача несколько более сложна чем кажется на первый взгляд, необходимо серьёзно охарактеризовать все эти пряности любви оду за одной. Когда мы говорим о внешних различиях и смены смыслов вещей, то речь идёт о вечной относительности. Части, составляющие человеческое бытие, внутри каждого исторического цикла приблизительно одинаковы. Различия проявляются в сочетаниях, где части являются причинами психических взаимодействий. Здесь говорится об одном и том же, но каждый раз в разной форме. В любви смешаны фантазия, вдохновенье, нежность и множество других «химических сочетаний». Комбинация, в которую включено каждое понятие, в перспективе определяет всё положение, в итоге предстаёт перед нами как любящее чувство.

Необходимо иметь ввиду следующее: личность человека – это сконцентрированное единое целое. Это единство тела и души, но вместе с тем формирующее два противоположных полюса личности. Впоследствии мы принимаем человека как одно из этих проявлений, делая упор на это единственное, другое же остаётся полускрытым, скрытым или совсем упущенным. Эпохи «телесности» сосредотачивают внимание человека, прежде всего на его плоти, и сходны в том, что не видят в теле зеркало души, которая отражается в этом куске материи. Склонность отдавать предпочтение только телу или только душе – одно из качеств человечества, определяющее движение истории. Возможность этой дуалистичной перспективы представляет два разных вида любви.

Так «куртуазная любовь», рождённая в знаменитых «*cortes de amor*» XII века, является одной из особых форм эротического идеализма. В XIV веке Данте обобщает время и способность проявления «высших чувств», когда Беатриче жаждет подвига, в котором тело выражает душу. По Данте, она влюблена в улыбку, превращаясь в примерную женщину, которая ради своего возлюбленного становится «пределом мечтаний и идеалом любви».

В этой так называемой «куртуазной любви» имеют место сущностные противоречия.

Эта любовь и зрительная и чувственная, но разделённая во времени и пространстве. Она во всё вселяет Бога и живёт его страстной силой. Не возникает необходимости, чтобы познать любимую, её характер, чувства; юноша пользуется лишь тем, что внемлет речам своей возлюбленной дамы. Поэт Аманеу да Сазеас разносит эту тему на полу ангельский хор трубадуров.

Поэзия трубадуров по большей части это «хвала», восторг, невообразимое творение, вдохновенье, непередаваемое и неопишемое даже драмой.

Мы видим Беатриче, когда она умирает: покинувшее ей лицо навсегда отдано поэту. Прощай! Я остаюсь нежно трепетать в таинственной и волнующей эротике, как эхо чьей-то музыки, медленно льющейся из глубины прибрежного леса.

В нас напрасно гибнет дух изящной любви, но я согласен взять на себя смелость и узнать, что я есть в час этого «бурного цветения». Средние века в

своей сущности очень мрачны и грубы. Мужчина живёт отдельно от женщины, а раннее средневековье вообще, лишь знало общество одиноких мужчин, занятых охотой, борьбой и пьянством. С другой стороны церковь «вкручивала гайки» нестерпимого аскетизма.

В некоторых приличных сёлах Франции берёт начало мода утверждать нечто потустороннее – любовь. Это происходит в тончайше скрытой форме. Истинно «куртуазная любовь» всегда колебалась между настоящими чувствами и ложной символикой.

Трубадуры говорят: речь идёт о притворстве или ложной чувственности, высокой игре. Это подразумевает эру творения духа подобную инстинкту, явившему нам природное благородство души.

Эта любовь не совместима ни с одним проявлением чувств, даже с супружеской любовью, ужасной в плане претворения в жизнь. Возвышенная изменчивая влюблённость освобождённая от материи – это любовь вне плоти. Все желают невинной, страстной чистой и пылкой любви, которой на самом деле нет. А тот лакомый кусочек, известный как «куртуазная любовь» существует лишь как ещё один вид эротики.